

С. С. Войтиков

«Оппозиция в собственном доме».
Поражение в Первой мировой войне
и «национальное» сплочение в рядах
большевистской партии. 1918 год

В феврале 1918 г. советская Россия стояла на пороге военной катастрофы. Сбывался язвительный прогноз обывателей, данный еще при Временном правительстве: «Начнем русскую историю с первой страницы ее, т. е. с помощью варягов»¹. Пророчески звучало и выступление видного большевистского деятеля П. Г. Сидовича на экстренном заседании пленума Моссовета 8 марта 1918 г.: «главнейшим из вопросов» на предстоящем все-русском съезде Советов станет ратификация мирного договора с Германией, «но вопрос этот, который так сильно волновал всех за последнее время, нельзя считать решающим что-нибудь в данный момент. Вопрос не в том, будет ли подписан мирный договор или нет, а в том, будем ли мы подготовлены к борьбе с мировым капиталом. Ведь всякий договор определяется соотношением сил, и крепость его зависит от тех сил, которые можно выставить на его защиту. Договор, продиктованный нам немцами, мы нашли неприемлемым и сказали, что необходимо сплотить все силы для борьбы. [...] Никто не скажет сейчас, что эти условия приемлемы, хотя многие и скажут, что мир надо подписать для получения временной передышки. Но *будет или не будет сейчас заключен мир, сейчас это ничего не изменит* (курсив наш. — С. В.)»². Развивая свою мысль, Сидович резонно заметил: «Надо признать, что соотношение сил не в нашу пользу. У нас много бойцов (явное преувеличение. — С. В.), есть достаточно оружия, но нет организации. У нас хватило силы и организованности для борьбы с Радой и Калединым, но не хватит [...] для отпора империалистам Запада [...]. По всему великорусскому фронту наступление прекращено, но борьба с украинской советской властью продолжается. Мы не

Войтиков Сергей Сергеевич,
кандидат
исторических наук,
главный специалист,
Центр публикации
архивного фонда
Центрального
государственного
архива г. Москвы
(Москва, Россия)

можем оставить одних украинских товарищей, связанных с нами общей борьбой, а если бы мы их оставили, восстановленная буржуазная власть на Украине не будет жить в мире с советской властью. Совершенно не ясно также, где [...] Рада посчитает нужным установить свои границы. Таким образом, и подписанный мир нам мира не даст»³.

В. И. Ленин был вынужден пойти на заключение 3 марта «позорного» мирного договора с Германией, в связи с чем разразился мощный политический кризис. Против мира выступили Партия левых эсеров и значительная часть большевистской партии и ее Центрального комитета — так называемые «левые коммунисты». Следует сразу сделать оговорку: не считать левых коммунистов большевиками оснований нет никаких, на чем справедливо настаивали в ходе дискуссий 1920-х гг. они сами. Так, 7 января 1924 г., на замечание с места: «В [19]17 г. (точнее, в 1918 г. — С. В.) вы были левым коммунистом» выступавший на Бауманской районной конференции РКП(б) К. Б. Радек ответил: «Я был левым коммунистом, но не демократом. Мы хотели воевать, когда мужик не хотел воевать — это недемократично»⁴. В оценке итогов заключения Брестского мира для большевистской партии в разное время сошлись два руководителя Секретариата ЦК РКП(б) — Н. Н. Крестинский и И. В. Сталин. По замечанию Н. Н. Крестинского, VII съезд партии, созванный для решения вопроса о Брестском мире, закончился «полурасколом партии». После съезда Центральному комитету, как вспоминал в 1920 г. секретарь и член ЦК РКП(б), пришлось «сначала бороться за идейное объединение партии, завоевывая московскую и петроградскую организации»⁵. По справедливому замечанию И. В. Сталина, сделанному 18 марта 1926 г., во время заключения мира с Германией «...партия [большевиков] стояла перед прямой опасностью раскола»⁶.

О подоплеке событий написано более чем достаточно⁷. Попытаемся обобщить имеющиеся данные с акцентом на роль Я. М. Свердлова как третьей силы — фигуры компромисса между сторонниками и противниками Бреста.

Американский биограф Н. И. Бухарина С. Коэн расценил противоречия по вопросу Брестского мира как противостояние «старых партийцев» во главе с В. И. Лениным и «молодых партийцев», прежде всего московских, лидером которых стал Н. И. Бухарин.

Еще 5 августа 1917 г. члены ЦК Н. И. Бухарин, Г. И. Ломов (Оппоков), В. П. Ногин и А. И. Рыков были поставлены курировать Московскую область⁸. Трое из них впоследствии стали лидерами «левых коммунистов», надежно закрепившись (с марта 1918 г. уже в первой) столице.

«Левый коммунизм, — как образно пишет С. Коэн, — был в своих основных чертах мятежом поколения 1905 г., возглавляемого своим неофициальным вождем — Бухариным». Именно революционная молодежь в большевистском руководстве поддержала курс на вооруженное восстание. В первые месяцы советской власти, «когда радикализм еще преобладал в партии, Бухарин и молодые москвичи имели сильную поддержку». Кроме того, в руках левых коммунистов оказался советско-хозяйственный аппарат (председателем ВСНХ был

левый коммунист В. В. Осинский⁹, членами его Президиума — Н. И. Бухарин и В. М. Смирнов, с января 1918 г. и Ю. Ломов), которому в политической платформе большевиков уделялось едва ли не решающее значение¹⁰. Весной 1918 г. Москва и особенно Московское областное бюро стали, по выражению самого Н. И. Бухарина, «цитаделью левого коммунизма»¹¹. По мнению С. Козна, Н. И. Бухарин стал естественным лидером оппозиции по нескольким факторам: «Неумолимая враждебность к империалистическим державам, выраженная в обещании “священной борьбы” против европейской буржуазии, была эмоциональной и популярной частью партийной программы при подготовке восстания»¹². Впрочем, последующее заявление С. Козна, что из «семи членов Центрального комитета, безоговорочно выступавших против мирного договора» — самого Николая Бухарина, Андрея Бубнова, Феликса Дзержинского, Николая Крестинского, Моисея Урицкого, Георгия Ломова и Варвары Яковлевой — «только Бухарин по своему положению в партии мог стать лидером»¹³, в свете последних исследований (и прежде всего монографии С. А. Павлюченкова «Орден меченосцев») представляется сомнительным: из событий более поздней партийной истории четко следует, что лидером «левого коммунизма» мог стать еще как минимум Н. Н. Крестинский из закаленных уральских большевиков¹⁴, да и амбиции Ф. Э. Дзержинского, которого позднее приручил, введя в Политбюро ЦК кандидатом, И. В. Сталин, сбрасывать со счетов, на наш взгляд, отнюдь не стоит. Как бы там ни было, оппозицию в качестве лидера московской группы возглавил именно Н. И. Бухарин, который действительно пошел на компромисс с вождем и превратился в политический труп — радикалы были обезглавлены и почувствовали «необходимость в крупной фигуре для защиты своих погрязших идеалов»¹⁵. Свято место пусто не бывает — нишу практически сразу занял Я. М. Свердлов (в 1918 г. — член ЦК и руководитель Секретариата ЦК, главный большевистский кадровик), который осенью 1909 г. после произведенных арестов партийных работников «в короткий срок» помог Московскому окружному комитету и Московскому областному бюро РСДРП «оживить работу, объединить вокруг партийной организации рабочих»¹⁶ и, как водится, «расставить людей»¹⁷. Несмотря на то, что состав московских партийцев сильно менялся вследствие весьма успешной работы охранного отделения¹⁸, в Москве как второй на момент подписания Брестского мира столице остались свердловские кадры — к примеру, В. Н. Яковлева, через которую в 1910 г. сбежавший из тюрьмы Я. М. Свердлов возобновлял прерванную из-за ареста работу¹⁹. Естественными союзниками московской оппозиции оказались члены известного своими радикализмом и принципиальностью Уральского областного комитета²⁰, тем более что выходцем именно из этой партийной группировки был, как уже говорилось, левый коммунист Н. Н. Крестинский. Патроном уральцев в ЦК в 1918 г. также был Я. М. Свердлов, хотя его отношения с уральскими товарищами были отнюдь не столь однозначны, как это считается в историографии. На Апрельской конференции РСДРП в 1917 г. именно уральцы провели Я. М. Свердлова в большевистский ЦК. При обсуждении кандидатуры Я. М. Свердлова

В. И. Ленин, лично рекомендовавший в ЦК И. В. Сталина, не высказывался. Ввести его предложил В.В. Куйбышев, до 1911 г. возглавлявший Нарымскую подпольную организацию²¹: «Тов. Свердлов — старый партийный работник, незаменимый организатор. Присутствие его необходимо в ЦК»²². Уже на VI съезде РСДРП(б) 1917 г. в ходе обсуждения процессуального статуса Я. М. Свердлова при его избрании в ЦК видный уральский радикал Е. А. Преображенский высказался «за кандидатуру т. Свердлова», но с оговоркой: «не могу считать его представителем Урала». Я. М. Свердлов полностью согласился с замечанием Е. А. Преображенского, уточнив: «я не могу считать себя кандидатом от Урала, т.к. работал там давно»²³. Таким образом, Я. М. Свердлов уже считался и позиционировал себя исключительно в качестве партийного организатора центра. В 1918 г. Я. М. Свердлов, исходя из соображений целесообразности, открыто не поддержал ни москвичей, ни собственную вотчину.

17 февраля группировка в составе И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, Г. Я. Сокольникова, И. Т. Смилги и самого основателя партии проиграла голосование в ЦК РСДРП(б) по вопросу о немедленном предложении Германии вступить в переговоры для подписания мира²⁴. Неприятное впечатление должно было, впрочем, несколько сгладить голосование 18 февраля за «немедленное» обращение «к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира», помимо этой пятерки, Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева²⁵.

По воспоминаниям супруги Я. М. Свердлова К. Т. Новгородцевой, технического секретаря ЦК РКП(б) в 1917–1919 гг., после решения ЦК и ВЦИК о заключении мирного договора основным фракционным центром «левых коммунистов» стало Московское областное бюро РСДРП(б), попытавшееся превратить «в свою опорную базу»²⁶ Московскую организацию РСДРП(б). 24 февраля, в день опубликования решения ВЦИК о заключении мира с Германией, «узкий состав Московского областного бюро РСДРП(б), где тон задавали Ломов, Манцев, Сапронов, Оболенский (Осинский), Яковлева и прочие, принял постановление о недоверии ЦК “ввиду его политической линии и состава”. Они дошли до того, что в объяснительном тексте к этому неслыханному документу писали: “Мы считаем целесообразным идти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной”. Станным и чудовищным назвал Ленин это заявление. Надо было разъяснить московским большевикам, куда ведут их “левые коммунисты”, развенчать этих оголтелых фракционеров и дезорганизаторов в глазах партийной организации, показать, что вопреки их архиреволюционным фразам они скатываются в болото контрреволюции. И Центральный комитет направил в Москву Свердлова»²⁷. Это был во всех отношениях мудрый шаг: с одной стороны, авторитетнейший партийный работник направлялся для уничтожения «раскольников», с другой — этот самый работник противопоставлялся своей собственной потенциальной «свете». Я. М. Свердлов предпочел не ссориться с В. И. Лениным и принял поручение Центрального комитета к исполнению. Вечером 3 марта он приехал в Москву и, по воспоминаниям К. Т. Новгородцевой, прямо с вокзала отправился в Моссовет, на пленуме которого

«выступил с обстоятельной речью, подвергнув “левых коммунистов” сокрушительной критике. Огромным большинством пленум Моссовета высказался за линию ЦК и ВЦИК, за мир. 4 марта собралось совместное заседание Московских областного, окружного и городского комитетов РСДРП(б) — Я. М. Свердлов вроде бы «гневно обрушился на “левых коммунистов”», доказывая, что большинство партии (в том числе питерские рабочие) и «большинство Советов» вслед «за Лениным [и] ЦК» выступали «За мир». Когда Московское областное бюро РСДРП(б), не взяв аргументам руководителя Секретариата, заявило о недоверии Центральному комитету, Я. М. Свердлов «потребовал от руководителей партийных организаций Москвы и области четкого и определенного ответа: одобряют ли они позицию узкого состава областного бюро, поднявшего восстание против Ленина, против ЦК, против партии?» Судя по воспоминаниям К. Т. Новгородцевой, Московская организация РСДРП(б) не разделяла позиции Московского областного бюро, а «чудовищную» резолюцию поддержал только узкий состав областного бюро, где левые коммунисты составляли большинство. В результате дискуссии «большинством голосов была принята резолюция в поддержку ЦК, одобрявшая заключение мира. В ночь с 4 на 5 марта собралась Московская общегородская конференция РСДРП (большевиков), на которой присутствовали многочисленные представители московских фабрик и заводов. Московская партийная конференция [...] поддержала политическую линию Центрального комитета, осудив фракционную [...] деятельность раскольников. [...] Предложение [...] Оболенского (Осинского) — не подписывать мирный договор и осудить позицию ЦК — собрало лишь 6 голосов из 116»²⁸. Это было победой ЦК и личным поражением Я. М. Свердлова, поскольку на роль вождя радикалов мог претендовать лишь такой лидер партии, который будет поддерживать мировую революцию независимо от обстоятельств момента.

Седьмой экстренный съезд РСДРП(б), созванный в марте 1918 г. для ратификации Брестского мира, по мнению публициста Ю.Г. Фельштинского, «знаменателен тем, что большинство его делегатов высказалось за ратификацию мира, в то время как большинство ораторов выступало против, а поддерживающее [В. И.] Ленина меньшинство говоривших» (в том числе члены ЦК Г. Е. Зиновьев, И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников и др.), не исключая и самого основателя партии, «выступало за принятие договора с многочисленными оговорками»²⁹. При этом В. И. Ленин сделал вопрос о Бресте вотумом доверия правительству и себе как его председателю, по сути пойдя ва-банк. Это было справедливо расценено в партии как шантаж: ориентировочно вечером 8 марта так называемое «меньшинство, голосовавшее против ратификации мира», выступило с обращением «К партийному Съезду и ко всем членам партии», в котором констатировало: «Ответственные руководители большинства [...] заявляли, что, в случае победы нашей линии, они не могли бы остаться [ни] в ЦК, ни в Совете народных комиссаров. Более того, с их стороны неоднократно делались указания, что прежний состав ЦК, в котором не было устойчивого

большинства по самому важному вопросу момента, оказался неспособным вести ясную и решительную тактическую линию»³⁰. А вот части левых коммунистов из ЦК выйти не позволили, дабы потенциальная угроза раскола не стала кинетической³¹. Бывшие левые коммунисты свидетельствовали в 1923 г., что их «фракция [...] вела борьбу за изменение политики партии как по внешним вопросам (Брестский мир), так и по внутренним вопросам (особенно по вопросам экономической политики). По вопросу о Брестском мире, как известно, одно время положение в ЦК партии было таково, что противники [сепаратного] мира имели в ЦК большинство. Тов. Ленин заявил на заседании ЦК, что в случае если ЦК примет решение против заключения Брестского мира, то он сложит с себя обязанности председателя Совнаркома и члена ЦК. Когда дело дошло до решительного голосования, часть противников Брестского мира воздержалась от голосования (имеются в виду Л. Д. Троцкий и его группировка. — С. В.) и в результате сторонники Брестского мира провели в ЦК» свое предложение, но фракционная борьба «продолжалась и после решения ЦК (курсив наш. — С. В.), причем часть противников Бреста вышла из состава ЦК»³².

Я. М. Свердлов осторожничал, подчеркивая: ЦК принял решение коллегиально, да и война не отменяется вовсе, а всего лишь откладывается. С одной стороны, вполне в русле ленинской «передышки», с другой — с реверансом своим сторонникам: «Все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента [...]. Все мы отстаивали как раз ту позицию, которую вела вначале наша Брестская делегация во главе с [Л. Д.] Троцким [...]. Так что все упреки, что Центральный комитет вел неправильную политику, не соответствуют действительности. Мы и до сих пор говорим, что при известных условиях нам революционную войну придется неизбежно вести»³³.

Однако для того чтобы у тех региональных филиалов большевистской партии, которые занимали наиболее радикальную позицию и на которых основывались позиции в ЦК Я. М. Свердлова, не сложилось стойкого убеждения в «оппортунизме» руководителя Секретариата, Свердлов 8 марта выступил с протестом против ленинского предложения о возвращении делегатами текста о мире ради «сохранения военной тайны», и съезд действительно отверг предложенную основателем партии поправку³⁴.

Я. М. Свердлов, ценой ослабления позиций среди радикалов, и главным образом уральских, сумел сохранить свои позиции во власти. Он все точно рассчитал: с одной стороны, не поддержав левых коммунистов и Уральский областной комитет, он не превратился в политический труп, с другой — сумел извлечь максимум выгоды из того, что В. И. Ленин вынужденно сделал голосование по Брестскому миру вотумом доверия правительству и себе как его председателю. Этот гамбит взял на вооружение второй преемник Я. М. Свердлова на посту руководителя Секретариата — И. В. Сталин, который много позднее, послушно признав правоту В. И. Ленина в национальном вопросе, уклонился от опасной для своего авторитета дискуссии.

Как вспоминал впоследствии левый коммунист Е. А. Преображенский, «в 1918 г. отношения между уральцами и [Свердловым] несколько ухудшились», но «Яков Михайлович никогда не ставил их потом в строку заблуждавшимся товарищам, когда *дело шло о распределении их на работу и об использовании их по действительным потребностям* (курсив наш. — С. В.)»³⁵. Таким образом, Я. М. Свердлов продолжал терпеливо расставлять на ключевые посты в партийном и советском аппарате противников политики В. И. Ленина.

Победа В. И. Ленина на VII съезде партии большевиков не означала победу его политики в целом. «Передышка», купленная ценой национального унижения, чрезмерно затягивалась, а потому доверие к вождю неуклонно падало. Когда в ноябре 1918 г. разразилась революция в Германии, все уже не раз признали ошибочность ленинского прогноза. Во-первых, германские части только замедлили, но отнюдь не прекратили продвижение на советскую территорию, которое отряды Завесы — иррегулярных большевистских частей — не могли сдержать по определению. Во-вторых, соединенные москвичи и уральцы отстояли весной 1918 г. наиболее радикальный вариант развития революции, проведя свою программу де факто, вопреки на первых порах взвешенной и осторожной политике председателя Совнаркома, и Я. М. Свердлов оказал им в этом вопросе всестороннюю поддержку.

Я. М. Свердлов всячески подчеркивал: несмотря на голосование за В. И. Ленина, он относится к миру с Германией отрицательно и собирается максимально отстаивать интересы революции. Вручивший Я. М. Свердлову верительные грамоты посол Германии В. фон Мирбах докладывал 29 апреля 1918 г. в Берлин: «...сильные личности меньше стеснялись (в сравнении с наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным. — С. В.) и не пытались скрывать свое неудовольствие» продолжающимся, вопреки заключенному миру, наступлением германских частей на советскую территорию: «это прежде всего председатель Исполнительного комитета Свердлов, которому я как раз в этот день вручил свои верительные грамоты... Вручение моих верительных грамот происходило не только в самой простой, но и в самой холодной обстановке... В своей ответной речи председатель выразил ожидание, что я “сумею устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира”. В этих словах ясно чувствовалось негодование. По окончании официальной церемонии он не предложил мне присесть и не удостоил меня личной беседы»³⁶. В принципе после такого приема В. фон Мирбах мог смело возвращаться в Берлин, а Германия — возобновлять войну. Однако ничего подобного не произошло именно в связи с тем, что на этот раз Свердлов проводил собственную политическую линию, а не линию В. И. Ленина, с которым В. фон Мирбах имел продолжительную беседу 16 мая.

Перед своими, партийными, товарищами В. И. Ленин, как мог, демонстрировал свое реальное отношение к Брестскому миру. Е. Д. Стасова, с сочувствием относившаяся в марте 1918 г. к левым коммунистам, вспоминала полвека спустя, как в ленинский кабинет зашел «член делегации по переговорам о заключении Брестского мира. В руках у него был

сверток с печатями, он был завернут в бумагу и в какие-то шелковые тряпки. Товарищ бережно положил его на стол Владимира Ильича и начал его разворачивать. Владимир Ильич спросил: “Что это такое?” — “Я привез текст Брестского договора, чтобы вы могли его прочитать”. [...] Ленин как-то сразу весь ощетинился. “Что?! Вам недостаточно, что я подписал этот похабный мир?!”»³⁷ Однако, демонстративно срываясь при товарищах по большевистскому ЦК на безвинных наркоминдельцах, В. И. Ленин вел себя подчеркнуто корректно с В. фон Мирбахом. Председатель Совнаркома, в отличие от председателя ВЦИК, не жаловался на продолжающееся наступление Германии и не делал «намёков на то, что при дальнейшем затягивании положения он мог бы оказаться вынужденным возобновить контакты с другой группировкой держав. Однако он [...] *стремился по возможности четко обрисовать все трудности сложившегося положения* (курсив наш. — С. В.)». Своего положения В. И. Ленин открыто заявил Ф. фон Мирбаху: «противники принадлежат не только к правым партиям, а в настоящее время они появились и в его партии, где образовалось нечто вроде левого крыла. Эта оппозиция в собственном доме упрекает его главным образом в том, что Брест-Литовский договор, который он, как [и] раньше, намеревается отстаивать с величайшей настойчивостью, был ошибкой: продолжается захват все новых областей, принадлежащих России; мирные договоры с Украиной и Финляндией все еще не заключены; короче говоря, до мирного положения, которое действительно заслуживало бы этого названия, по-видимому, еще далеко»³⁸.

Любопытный нюанс: путем сообщений в советской прессе Ленин старательно сваливал ответственность с себя на Свердлова, поскольку о том, что Мирбах удостоился аудиенции у главы государства, сообщения печатались, а у главы правительства — нет. Причем о сути аудиенции у Свердлова в газетных сообщениях не было ни единого слова. Московский обыватель Н. П. Окунев, внимательно читавший советскую прессу, прямо заявил на страницах своего дневника: «Германский посол граф Мирбах и турецкий Халил-бей вручили [...] свои верительные грамоты председателю [В]ЦИК [...]. Последний предполагал, но, видно, так и не отважился спросить Мирбаха: почему Германией нарушается мирный договор, почему продолжается наступление в Финляндии, на Украине, а также, совместно с гайдамаками, — на Севастополь...»³⁹ Несомненно, подобные вопросы задавали не только мирные обыватели, но и свердловские товарищи по партии, которые не для того сидели в тюрьмах и ссылках, чтобы безучастно наблюдать, как большевистские верхи сдавали завоевания революции.

Демонстративное поведение Я. М. Свердлова при вручении В. фон Мирбахом верительных грамот наводит на подозрение, что председатель ВЦИК мог не просто смотреть на председателя СНК как на «мягкотелого пораженца», но и вменять ему в вину то, что «мягкотелость» и «оппортунизм» В. И. Ленина губят революцию. Подобного рода обвинения в адрес основателя большевистской партии раздавались с самого начала его революционного

пути. К. Б. Радек, наблюдавший за В. И. Лениным отнюдь не с первых лет его революционной деятельности, вспоминал 22 апреля 1922 г.: «...кто внимательно проследит революционное прошлое Ленина, тот заметит, как во всякий момент своей революционной деятельности он и в прошлом, в зависимости от сил, менял тактику. Сколько раз за это хулили его “оппортунистом”», однако источником ленинского “оппортунизма”, как и его “доктринерства”, «был марксизм, который [...] требует постоянной перемены тактического фронта [...] в зависимости от перемены в общественном соотношении сил»⁴⁰. В данном случае В. И. Ленин был готов идти на сделку, а большинство его партии — нет.

Хуже всего для В. И. Ленина было то, что именно Я. М. Свердлов неожиданно стал защитником в ЦК РКП(б) того, что впоследствии долгие годы носило клеймо «великодержавного шовинизма». На Декабрьском пленуме ЦК РКП(б) 1925 г. Л. Д. Троцкий вспоминал: «Когда [в 1918 г. встал] вопрос о переименовании партии, то Владимир Ильич выставлял название не РКП, а КП (Коммунистическая партия, что называется, без ограничения рамок, «на вырост». — С. В.) и остался в меньшинстве. Покойник Свердлов был одним из противников этого. Владимир Ильич говорил: “Как будет, мы посмотрим, а сейчас нужно показать, что мы не называем Российская партия, а Коммунистическая партия”. Тогда он оставался в меньшинстве»⁴¹.

Итогом значительного раздражения части большевистской партии против заключения Брестского мира стала своеобразная позиция левых коммунистов в преддверии так называемого левоэсеровского выступления, состоявшегося 6–7 июля 1918 г. Временные попутчики большевистской партии, воодушевленные поддержкой фракции левых коммунистов, подняли мятеж против Совнаркома. Мятеж большевики подавили, но левые эсеры не выдали своих тайных союзников — левых коммунистов и их вождя Николая Бухарина. Однако в 1923 г. Н. И. Бухарин сам признался в своей измене 1918 г., правда, несколько исказив события. 15 декабря главная партийная газета «Правда» выпустила статью И. В. Сталина, в которой Генеральный секретарь ЦК РКП(б) писал: «...левые коммунисты, составлявшие тогда отдельную фракцию, дошли до такого ожесточения, что серьезно поговаривали о смене существовавшего тогда Совнаркома новым Совнаркомом из новых людей, входивших в состав фракции левых коммунистов. Часть нынешних оппозиционеров — тт. Преображенский, Пятаков, Стуков и др. — входили в состав фракции левых коммунистов»⁴². И. В. Сталин, будучи человеком крайне осторожным, осмелился напечатать подобный компромат, поскольку в его распоряжении уже имелся текст выступления Г. Е. Зиновьева от 11 декабря 1923 г., в котором заявлялось: «Бухарин на днях рассказал на собрании Краснопресненского района то, что должно стать известным всей партии, ибо это факт гигантского исторического значения. Описав период нашей внутренней борьбы, в связи с Брестским миром, т. Бухарин сообщает, что в ту пору к ним, к фракции “левых” коммунистов, левые эсеры [...] обратились с официальным предложением не больше и не меньше как о том, чтобы арестовать Совет

народных комиссаров с т. Лениным во главе. А в кругах “левых” коммунистов серьезно обсуждался вопрос о новом составе Совета народных комиссаров, причем председателем имели в виду назначить т. Пятакова. *Это, товарищи, не анекдот*, фракционная борьба внутри нашей партии была доведена до того, что левые эсеры, эти взбесившиеся мелкие буржуа, могли с известной надеждой на успех обращаться к части нашей партии с такими предложениями [...]. Наши товарищи “левые” коммунисты, как рассказывает т. Бухарин, отвергли предложение левых эсеров с негодованием. Однако, своему Центральному комитету “левые” коммунисты об этом тогда не сообщили, и партия узнает об этом немаловажном факте только теперь, 6 лет спустя⁴³. Речь Григория Зиновьева вдогонку за сталинскими обвинениями опубликовала «Правда» 16 декабря⁴⁴.

Прочитавшие заявления Николая Бухарина, Григория Зиновьева и Иосифа Сталина бывшие левые коммунисты Григорий Пятаков, Карл Радек, Варвара Яковлева, Иннокентий Стуков, Вениамин Смирнов, Михаил Покровский, Евгений Преображенский и Владимир Максимовский 20 декабря 1923 г. направили в Комиссию по истории партии (Испарт), а копии в ЦК и ЦКК РКП(б) и редакцию газеты «Правда» письмо, в котором заявили: «С легкой руки т. Бухарина в партии распространяется легенда о переговорах левых коммунистов с левыми эсерами в 1918 году относительно свержения и ареста т. Ленина и избрания нового Совета народных комиссаров. [...] В виду того, что дело изображается (Бухариным, Зиновьевым и Сталиным. — С. В.) совершенно не так, как оно было на самом деле, в интересах восстановления исторической истины и в целях противодействия извращению истории нашей партии, мы, бывшие активные участники фракции левых коммунистов, считаем себя обязанными изложить те два совершенно незначительных инцидента, которые могли бы подать т. Бухарину, а за ним тт. Зиновьеву и Сталину мысль о якобы имевших место переговорах о свержении Совнаркома и об аресте т. Ленина»⁴⁵. Само по себе это заявление было опасно для бывших левых коммунистов, поскольку всем читателям советской периодики становилось ясно, что дело было, прямо говоря, довольно темное. Первый случай Г. Л. Пятаков с товарищи описывали следующим образом: в Таврическом дворце, во время заседания ВЦИК, когда В. И. Ленин делал доклад о Брестском мире, к Г. Л. Пятакову и Н. И. Бухарину подошел левый эсер Б. Д. Камков в ходе разговора, который не только не носил «характер каких-либо официальных переговоров», но «не имел даже характера предварительного делового взаимнощупывающего разговора, Камков, между прочим, полушутя сказал: “Ну, что же Вы будет делать, если получите в партии большинство? Ведь Ленин уйдет и тогда нам с Вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тогда т. Пятакова”»⁴⁶. Бывшие левые коммунисты, припомнив точные обстоятельства, уточняли: «Разумеется, это не есть стенографическая запись слов Камкова, но они восстановлены в той мере, в какой вообще можно восстановить по памяти чужие слова, которым участники разговора и в момент разговора не придавали никакого серьезного значения. “Предложение”

левых эсеров не только не было с негодованием отвергнуто, но оно вообще не отвергалось, т. к. не обсуждалось, ибо никакого предложения левых эсеров левым коммунистам не было»⁴⁷. Совершенно очевидно, что никаким доказательством сговора с левыми эсерами части большевистской элиты за спиной основателя партии тут не было: В. И. Ленин действительно угрожал отставкой, и даже если разговор не был шуточным, предложение ни о чем решительно не свидетельствовало. В случае вполне возможной победы В. И. Ленин становился политическим трупом и обязан был уступить свое место в партии другому лидеру. По справедливому замечанию авторов послания в Истпарт, «в этом случае ни о каком аресте или свержении Совнаркома даже левыми эсерами не упоминалось»⁴⁸. Второй случай, который припомнили бывшие левые коммунисты, имел место «уже после заключения Брестского мира», когда Г. Л. Пятаков, А. С. Бубнов и С. В. Косиор «уехали на Украину»⁴⁹. К. Б. Радек зашел к наркому почт и телеграфов члену ЦК партии левых социалистов-революционеров П. П. Прошьяну для отправки по радио какой-то резолюции левых коммунистов, и последний сказал ему, «смеясь»: «“Все Вы резолюции пишете. Не проще было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать т. Ленина председателем Совнаркома”. Прошьян тогда говорил, что, разумеется, Ленин как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругал вас и нас (вас — левых коммунистов), тем не менее лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну. Опять-таки это «предложение» не только не было левыми коммунистами отвергнуто, но оно также не обсуждалось, как совершенно анекдотическая и смехотворная фантазия Прошьяна. Любопытно отметить, что еще в 1918 г., до восстания левых эсеров (здесь ошибка: П. П. Прошьян умер позднее. — С. В.), когда после смерти Прошьяна т. Ленин писал о последнем некролог, т. Радек рассказывал об этом случае т. Ленину и последний хохотал по поводу такого “плана”»⁵⁰. Хохотать, надо сказать, было не над чем. Большевики могли сколько угодно делать вид, что они презирают дипломатические нормы, однако изолировать главу правительства на день, провести политический курс, идущий вразрез с его взглядами, и вернуть на место означало убить его как политика. Видные большевистские деятели это не понимали? Отнюдь: несколько позднее, 3 декабря 1919 г., член Рязанского губернского комитета РКП(б) Шабунин (по другим данным — Шабулин⁵¹) заявил относительно распоряжения наркома продовольствия Н. П. Брюханова «арестовать уездный исполком» за изъятие хлеба: «Арестовать исполком — значит убить его политически. Предписание арестовать на одни сутки — это все равно, что маленького поставить в угол носом. На следующий день уездный исполком должен сложить свои полномочия и уйти»⁵². Что уж говорить о Совете народных комиссаров! Так или иначе, стало понятно, что авантюры обречены на провал. Попытка радикального решения вопроса с треском провалилась, что не могло не способствовать консолидации антигерманских настроений в РКП(б) вокруг умеренного крыла. Сорвать Брестский мир летом 1918 г. не удалось.

Положение изменилось лишь после Ноябрьской революции в Германии, когда начал сбываться ленинский прогноз, в который давно уже никто в большевистской партии не верил. В данном контексте принципиально важно, что Я. М. Свердлов получил политические дивиденды от своей умеренно-критической позиции, войдя в Историю как главный инициатор денонсации Брестского мира. 13 ноября 1918 г. на первом заседании ВЦИК 6-го созыва Я. М. Свердлов как председатель предложил «Аннулирование Брестского договора» третьим пунктом повестки дня, встреченным «бурными аплодисментами»⁵³. Находясь в эйфории от Ноябрьской революции, ВЦИК принял воззвание с многократно процитированным текстом: «Всем народам России, населению всех оккупированных областей и земель! / Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. / Все включенные в Брест-Литовский договор обстоятельства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территории и областей объявляются недействительными. [...] Революционные солдаты Германии и Австрии, создающие ныне в оккупированных областях солдатские советы депутатов, вступив в связь с местными рабочими и крестьянскими советами, будут союзниками и сотрудниками трудящихся в осуществлении этих задач. Братским союзом с крестьянами и рабочими России они искупят раны, нанесенные населению оккупированных областей германскими и австрийскими генералами, охранявшими интересы контрреволюции. Построенные на этих основах отношения [...] России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства...»⁵⁴ То, что инициатором этого постановления выступил Я. М. Свердлов, его старые товарищи по партии запомнили прекрасно. Свидетельство тому — рецензия старого соратника Я. М. Свердлова по Костромской организации РСДРП П. Н. Караваева на рукопись первого варианта воспоминаний К. Т. Новгородцевой. П. Н. Караваев специально остановился на роли Я. М. Свердлова в разработке и проведении ряда важнейших для советской России законодательных установлений, и в частности отметил: «В постановлении ВЦИК об аннулировании Брестского мира, как и во всех своих выступлениях по вопросам международной политики Советского государства, Я. М. [Свердлов] выступает как проводник политики справедливого мира между народами, всегда осуществлявшейся советской властью, и одновременно как *пламенный патриот нашей социалистической родины* (курсив наш. — С. В.)»⁵⁵.

Таким образом, в мае — июне 1918 г. «левый коммунизм», как справедливо заметил Стивен Коэн, утратил свой размах, однако большинство оппозиционеров продолжало, как и до заключения Брестского мира, назначать на руководящие партийные и советские должности

Я. М. Свердлова. Не ссорясь с вождем мировой революции, Я. М. Свердлов явочным порядком стал руководителем фракции, обезглавленной оставлением в ЦК и фактической изменой идеалам революции Н. И. Бухарина. Голосование по вопросу о Брестском мире поставило партию перед угрозой раскола и способствовало изменению баланса сил в высшем большевистском руководстве. Фиаско в Первой мировой войне дало абсолютно непредсказуемый результат — главным борцом за «национальную идею» в партии соединенных пролетариев стал руководитель Секретариата ЦК РКП(б). Именно ему по праву принадлежала честь инициировать денонсацию «похабного» мира после Ноябрьской революции в Германии.

¹ Цитируется запись в дневнике Н. П. Окунева от 28 августа 1917 г. (см.: *Окунев Н. П.* Дневник москвича: Т. 1. 1917–1920. М., 1997. С. 74).

² Центральный государственный архив Московской области. Ф. 680. Оп. 7. Д. 5. Л. 12.

³ Там же. Л. 12–13.

⁴ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 63. Оп. 1. Д. 273. Л. 41.

⁵ Цитируется Н. Н. Крестинский – Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. С. 28.

⁶ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг.: Т. 1. М., 2000. С. 673.

⁷ См.: *Леонов С. В.* Рождение Советской империи. М., 1997. С. 165–166; *Булдаков В. П.* Красная смута. М., 2005. С. 384; *Фельштинский Ю. Г.* Вожди в законе. М., 2008. С. 66.

⁸ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 6.

⁹ В действительности Валериан Валерианович Оболенский. Партийный псевдоним — Николай Александрович Осинский.

¹⁰ *Козн С.* Бухарин / Пер. В. Козлова, Е. Четвергова и Ю. Гетвергова. Б. м., б. г. С. 64–69.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² Там же. С. 67.

¹³ Там же.

¹⁴ *Павлюченков С. А.* Орден меченосцев. М., 2008. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 67.

¹⁶ *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1957. С. 140–141.

¹⁷ Там же. С. 141.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Там же. С. 145, 146.

²⁰ Е. А. Преображенский. Архивные документы и материалы: Т. 1. М., 2006. С. 200.

²¹ *Городецкий Е., Шаратов Ю.* Яков Михайлович Свердлов. Свердловск, 1981. С. 70.

²² Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевики). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 324.

²³ Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 2.

²⁴ См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 194, 195.

²⁵ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 204.

²⁶ *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. С. 429.

- ²⁷ Там же. С. 429–430.
- ²⁸ Там же. С. 430–431.
- ²⁹ *Фельштинский Ю. Г.* Вожди в законе. С. 95.
- ³⁰ Седьмой Экстренный съезд РКП(б). М., 1962. С. 292.
- ³¹ См.: Там же. С. 269 и др.
- ³² Большеви́стское руководство. Переписка: Т. 1. М., 1996. С. 291.
- ³³ Цит. по: *Фельштинский Ю. Г.* Вожди в законе. С. 95.
- ³⁴ Там же. С. 97.
- ³⁵ Е. А. Преображенский: Т. 1. С. 200.
- ³⁶ Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 124.
- ³⁷ *Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., 1969. С. 157–158.
- ³⁸ Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 124.
- ³⁹ См.: *Окунев Н. П.* Дневник москвича: Т. 1. С. 172.
- ⁴⁰ *Радек К. Б.* Революционный вождь // Недорисованный портрет: 1920 год. М., 1990. С. 51.
- ⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 2. Д. 200. Л. 51.
- ⁴² Большеви́стское руководство. Переписка: Т. 1. С. 290.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 290–291.
- ⁴⁶ Там же. С. 291.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 291–292.
- ⁵¹ Ср.: Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. М., 1934. С. 69, 286.
- ⁵² Там же. С. 70.
- ⁵³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 21. Д. 1. Л. 45.
- ⁵⁴ Там же. Л. 58, 60.
- ⁵⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 373. Оп. 1. Д. 36. Л. 9.

УДК 94(470)

Войтиков С. С. «Оппозиция в собственном доме». Поражение в Первой мировой войне и «национальное» сплочение в рядах большевистской партии. 1918 год // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 218–233.

АННОТАЦИЯ: В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников уточняются современные историографические представления о влиянии Брестского мира как итоговой для нашего государства точки в Первой мировой войне на расстановку сил в главной из двух (до июля 1918 г.) правящих партий — большевистской. В рамках обеих правящих партий — большевиков и левых эсеров — противниками «похабного» и «позорного» мира выступили вторая партия в полном составе

и значительная часть первой, едва не выдвигавшаяся в самостоятельную партию. Вождь мировой революции, председатель советского правительства (Совета народных комиссаров — СНК), основатель большевистской партии и член ее ЦК В. И. Ленин, исходя из тактических соображений и прикрываясь весьма сомнительным прогнозом о скором осуществлении мировой революции, в очередной раз стал восприниматься в качестве оппортуниста. Неизбежным следствием стало появление третьей силы. Глава Советского государства (председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета — ВЦИК), руководитель Секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) Я. М. Свердлов, как это ни парадоксально, стал восприниматься в партии «как проводник политики справедливого мира между народами [...] и одновременно как пламенный патриот [...] социалистической родины». Этому немало способствовало то обстоятельство, что Я. М. Свердлов вместе с большинством ЦК настоял на переименовании партии на Седьмом ее съезде в марте 1918 г. в «Российскую коммунистическую партию», поскольку В. И. Ленин в духе собственных представлений о мировой революции, что называется, «на вырост» попытался навязать название «Коммунистической», что было опасно в условиях национальной трагедии, которую, несмотря на искренние заявления об интернационализме, многие партийцы восприняли крайне болезненно. Фиаско в Первой мировой войне дало абсолютно непредсказуемый результат — главным борцом за «национальную идею» в партии соединенных пролетариев стал руководитель Секретариата ЦК РКП(б), расставлявший на ключевые посты в партийный и советский аппарат противников ленинской политики. Именно ему по праву принадлежала честь инициировать денонацию «похабного» мира после Ноябрьской революции в Германии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, Брестский мир, Седьмой съезд РКП(б), левые коммунисты, В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Н. И. Бухарин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, главный специалист Центра публикации архивного фонда Центрального государственного архива города Москвы; svoyt@mail.ru

Voytkov S. S. Opposition in Lenin's "House". Defeat in the First World War and "National" Unity in the Ranks of Bolshevik Party. 1918

ABSTRACT: In the article based on the published and unpublished sources were defined more exactly modern historiographic ideas of influence of the Brest peace as total point for our state in World War I on alignment of forces in main of two (till July, 1918) are specified ruling parties — Bolshevik. Within the limits both ruling parties — Bolsheviks and the Left revolutionary socialist — as opponents of the “obscene” and “shameful” world acted the second party in full strength and considerable part of the first, almost allocated in independent party. The leader of world revolution, the chairman of the Soviet government (Council of People’s Commissars — SNK), the founder of Bolshevik party and the member of its Central Committee V.I. Lenin, proceeding from tactical reasons and being covered with very doubtful forecast about fast implementation of world revolution, once again began to be perceived as the opportunist. Emergence of the third force turned out to be inevitable consequence. Sverdlov began to be perceived in party “as the conductor of policy of the fair world between the people [...] and at the same time as the ardent patriot [...] the socialist homeland”. It was promoted much by that circumstance that Ya. M. Sverdlov together with the majority of the Central Committee insisted when renaming party on its Seventh congress in March, 1918 in “Russian communistic party” as V. I. Lenin in the spirit of own ideas of world revolution that is called “for growth” tried to impose the name “Communistic” that was dangerous with conditions of the national tragedy which, despite sincere statements for the internationalism, many Party members apprehended extremely painfully. The fiasco in World War I yielded absolutely unpredictable result — the head of the Secretariat of the Central Committee of RCP(b), placing on key posts in the party and Soviet device of opponents Lenin to the politician became the main fighter for “national idea” in party of the connected proletarians. It by right possessed honor to initiate denunciation of the “obscene” world after November revolution in Germany.

KEYWORDS: World War I, Brest world, Seventh congress of RCP(b), Left communists, V. I. Lenin, Ya. M. Sverdlov, N. I. Bukharin.

AUTHOR: Candidate of History, Senior Specialist, Moscow Central State Archive, (Moscow, Russia); svoyt@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Okunev N. P. *Dnevnik moskvicha*, Vol. 1. 1917–1920 (Moscow, 1997).
- ² *Deviatyi siezd RKP(b)*. March – April 1920 goda. Protokoly (Moscow, 1960).
- ³ *Stenogrammy zasedanii Politbiuro TCK RKP(b) – VKP(b)*. 1923–1938, Vol. 1 (Moscow, 2000).
- ⁴ Leonov S. V. *Rozhdenie Sovetskoj imperii* (Moscow, 1997).
- ⁵ Buldakov V. P. *Krasnaia smuta* (Moscow, 2005).
- ⁶ Felshtinskiy Yu. G. *Vozhdi v zakone* (Moscow, 2008).
- ⁷ *Protokoly Tsentralnogo komiteta RSDRP(b)*. August 1917 – February 1918 (Moscow, 1958).
- ⁸ Pavliuchenkov S. A. *Orden mechenostcev* (Moscow, 2008).
- ⁹ Sverdlova K. T. *Yakov Mikhailovich Sverdlov* (Moscow, 1957).
- ¹⁰ E. A. *Preobrazhenskii*. *Arkhivnye dokumenty i materialy*, Vol. 1 (Moscow, 2006).
- ¹¹ Gorodetskii E., Sharapov Yu. *Yakov Mikhailovich Sverdlov* (Sverdlovsk, 1981).
- ¹² *Sedmaia (aprel'skaia) Vserossiiskaia konferentsiia RSDRP (bolshevikov); Petrogradskaia obshchegorodskaia konferentsiia RSDRP (bolshevikov)*. April 1917. Protokoly (Moscow, 1958).
- ¹³ *Shestoi sezd RSDRP (bolshevikov)*. August 1917. Protokoly (Moscow, 1958).
- ¹⁴ *Sedmoi Ekstrennyi sezd RKP(b)* (Moscow, 1962).
- ¹⁵ *Bolshevistskoe rukovodstvo. Perepiska*, Vol. 1 (Moscow, 1996).
- ¹⁶ 'Dokumenty germanskogo posla v Moskve Mirbakha' in *Voprosy istorii*, 1971, no. 9.
- ¹⁷ Stasova E. D. *Vospominaniia* (Moscow, 1969).
- ¹⁸ Radek K. B. 'Revoliucionnyi vozhd' in *Nedorisovannyi portret: 1920 god* (Moscow, 1990).
- ¹⁹ *Vosmaia konferentsiia RKP(b)*. December 1919 (Moscow, 1934).